

Научная статья
УДК 336(470:571.5)(091)
doi: 10.17223/19988613/78/3

Механизмы финансовых отношений императорского Кабинета и сословия сибирских инородцев в эпоху империи

Лев Михайлович Дамешек¹, Ирина Львовна Дамешек²

^{1, 2} Иркутский государственный университет Иркутск, Россия

¹ levdameshkek@gmail.com

² dameshkek@rambler.ru

Аннотация. Исследуется эволюция ясачной политики самодержавия в отношении народов Сибири на протяжении периода империи, подчеркивается значение инородческого фактора в деле продвижения России на восток, отмечается двойственный характер земельной собственности в Сибири, исследуется практика взаиморасчетов Казны и Кабинета по «ясачному делу», на этом основании делается вывод о принадлежности ясака императорскому Кабинету, определяется значение ясачных поступлений в финансовом балансе Кабинета как главного финансового органа коронной фамилии.

Ключевые слова: Сибирь, инородцы, казна, Кабинет, ясак

Для цитирования: Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Механизмы финансовых отношений императорского Кабинета и сословия сибирских инородцев в эпоху империи // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 21–25. doi: 10.17223/19988613/78/3

Original article

Mechanisms of financial relations between the Imperial Cabinet and the estate of Siberian indigenous population during the age of the empire

Lev M. Dameshek¹, Irina L. Dameshek²

^{1, 2} Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

¹ levdameshkek@gmail.com

² dameshkek@rambler.ru

Abstract. Searching for models of establishing the financial relations between Russia and the territories newly incorporated into the imperial space had always occupied an important place in the domestic policy of the autocracy. On the eastern outskirts of Russia - in Siberia, this process was on the one hand inevitably associated with the comprehension of the newly incorporated lands and the local population fate within Russia, but primarily with determining the status of the incorporated region within the Empire, on the other. In the east of the country, the importance of the mentioned factors was reinforced by the importance of the "inorodic tribes" position in the advancement of the pioneer squads to the east and the consolidation of the Trans-Ural territories for the Russian state. In Russian Empire this process was accompanied by the spread of the Russian political, administrative, domestic and socio-cultural structure to the new territories, "pulling" the indigenous people into the national economic, political and socio-cultural system. In the case of the peoples of Siberia, the imperial formation process was initially accompanied by the imposition of tribute (yasak) on them in favor of the government. As the indigenous people became incorporated into the all-Russian system of state, economic, and other connections, they were subjected to other types of tax obligations, which differed little or nothing from the usual peasant burden. This circumstance fundamentally distinguished Russian colonization policy in Siberia from U.S. policy toward Indians, who did not pay taxes and, according to the U.S. Constitution, were not considered citizens of the state. The tribute policy was to help to maintain the new territories under the authority of the Russian tsar. Throughout the 17th and almost the whole 18th centuries, yasak evolved from tribute to taxation identical to that of peasants. From the middle of the 18th century, the yasak had become fully received by the Cabinet, but the dual nature of Siberian land ownership, when the co-owners of Siberian lands were the treasury and the imperial Cabinet, gave rise to the practice of mutual accounting of the treasury and the Cabinet on yasak case. It can be observed throughout the 19th and early 20th centuries. This contradiction was understandable to the tsarist dignitaries, who sought to legally secure the lands inhabited by the yasak people to the imperial Cabinet. The very existence of such projects testifies to the Cabinet's desire to completely subordinate the peoples of Siberia to its influence and to the ingrained habit of officials of the Ministry of the Imperial Court to emphasize the peculiarity of the crown estates and their difference from the state ones. In Russia, yasak was the most territorially widespread kind of tax. By the eve of 1917, it was paid by all the nomadic peoples of Tobolsk, Tomsk,

Yenisei, Irkutsk provinces, Transbaikai and Yakutsk regions, and also a part of the population of Arkhangelsk and Perm provinces. It had much in common with the taxation duties of the other colonized outskirts of the Romanov Empire.

Keywords: Siberia, inorodtsy (indigenous population), treasury, the Cabinet, yasak

For citation: Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2022) Mechanisms of financial relations between the Imperial Cabinet and the estate of Siberian indigenous population during the age of the empire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 21–25. doi: 10.17223/19988613/78/3

Поиск моделей выстраивания финансовых отношений России со вновь инкорпорируемыми в имперское пространство территориями всегда занимал важное место во внутренней политике самодержавия. На восточных окраинах России, в Сибири, этот процесс неминуемо был связан с осмыслением судеб вновь присоединенных территорий и местного населения в составе России, с одной стороны, но прежде всего с определением статуса присоединенного региона в составе империи – с другой. Понятие статуса отнюдь не являлось аморфным. Оно определялось целым рядом позиций, объективных и субъективных. Окраины различались по уровню социально-экономического и политического развития, по национальному и конфессиональному составу населения.

При определении статуса окраины в составе империи наибольшее значение придавалось таким показателям, как уровень социально-экономического и политического развития территории, характер ее присоединения (добровольный или насильственный), стратегическому значению новых земель для империи. Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на конкретное содержание окраинной политики, являлось сложное переплетение ведомственных и территориальных интересов, а также реальное соотношение сил так называемых «централистов» и «регионалистов» в центральном и местном аппарате управления. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. При этом в случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать его в законодательном порядке.

На востоке страны значение отмеченных выше факторов усиливалось еще одним обстоятельством – позицией «инородческих племен» в деле продвижения отрядов землепроходцев на восток и закрепления за уральских территорий за русским государством. Несмотря на то, что исторически новый регион давно был известен в России, продвижение землепроходцев вглубь Сибири не стало каким-то исключительным явлением, характерным только для России. Хронологически оно совпало с временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. В России этот процесс сопровождался распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием» аборигенов в общенациональную эко-

номическую, политическую и социокультурную систему. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере инкорпорации аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла (подробнее см.: [1]). Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играли единая денежная система, коммуникации, налоги, государственный язык, Русская православная церковь, а также сознание верноподданничества русскому царю, который был верховным «хозяином» земли. Особенно это было актуально в Сибири и на Дальнем Востоке, где господствовала система государственной земельной собственности. Включая в свой состав новые территории на востоке, империя начинала их интеграцию именно с военно-административных и фискальных методов.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с Запада на Восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народам возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака (подробнее см.: [2]). Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Удержанию новых территорий под властью русского царя должна была способствовать и податная

политика. Важнейшей прерогативой новых властей в Сибири стал сбор ясака с покоренного нерусского населения, что обоими участниками процесса рассматривалось как выражение подданства новому владельцу. С.В. Бахрушин еще в 1927 г. справедливо отметил, что ясак не являлся новинкой в этих краях, а «существовал... в Сибири задолго до присоединения к России». Русский ясак органически вырос из тех ясаков и алманов, которые русские нашли в Сибири. Социально-экономическую сущность ясака С.В. Бахрушин определяет как дань: «Ясак – это подать, установленная законом, уложенная, принудительная, по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю» [3. С. 49–51, 58–59]. В XVII в. народы Сибири еще только втягивались в систему общерусских государственных связей, становились «подданными» государства, поэтому определение ясака как дани для начала XVII в. является вполне справедливым. В дальнейшем социально-экономический характер ясака изменился.

Анализируя влияние финансовых факторов на выстраивание взаимоотношений центральных властей и народов Сибири следует непременно учитывать двойственный характер сибирской земельной собственности, когда совладельцами земель выступали Казна и Кабинет.

На протяжении XVII и почти всего XVIII в. ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли, а проживание их на «породных землях» рассматривалось властями как важнейшее условие уплаты ясака. Поначалу сбор подати с «ясачных иноземцев» никак не регламентировался, и ясачные сборщики на практике «брали, что принесут». Это приводило к массовым злоупотреблениям, хищническому истреблению пушных богатств края, накоплению недоимок. В 1763 г. Екатерина II направила в Сибирь первую ясачную комиссию, которая впервые провела перепись «ясачных иноземцев», обложила их новой податью. Наряду с этим комиссия внесла и принципиальное новшество в систему сбора ясака, разрешив туземцам платить ясачную подать пушшиной или эквивалентно деньгами. Именно тогда впервые в российской административно-финансовой практике императрица указала на различие финансовых интересов Казны и императорского Кабинета в Сибири. До 1763 г. пушнина поступала в Сибирский приказ, а оттуда лучшие сорта пушнины пересылались в Кабинет. Однако в связи с упразднением Сибирского приказа собираемая в качестве ясака пушнина стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ императрицы «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему» [4]. Так юридически было оформлено право собственности императорского Кабинета на сибирский ясак.

В 30-х гг. XIX в. в Сибирь была направлена вторая ясачная комиссия. Николай I лично отредактировал «наставление» комиссиям Западной и Восточной Сибири [5]. Оно включало в себя более 60 пунктов и определяло цели, задачи, состав и порядок действия. Главной задачей комиссии являлось обложение новой

ясачной податью кочевых и бродячих «инородцев» Сибири. В 1835 г. Николай именным указом утвердил новый размер ясачной подати, которая в совокупном денежном и натуральном выражении составляла около 450 тыс. руб. против 122 тыс. по окладу 1763 г. Удельный вес вновь положенного ясака в доходах «инородцев» по округам Западной Сибири колебался от 10 до 20%, в Восточной Сибири – от 11 до 52%, составляя соответственно в среднем 15 и 38% (рассчитано авторами по материалам: [6. Л. 40 об., 46, 363 об., 369, 372; 7. Л. 10, 10 об., 407 об., 415; 8. Л. 139–160]). При таком размере ясачной подати взимание ее не могло быть успешным, накапливались недоимки, приобретшие вскоре хронический характер. Особенно беспокоило Кабинет сокращение поступления в ясак ценных сортов пушнины. Это неоднократно порождало рецидивы попыток полностью запретить свободную торговлю с аборигенами, окончившиеся тем не менее полным провалом. Одно из основных противоречий ясачной политики – стремление к максимальному сбору ясака пушшиной, и дальнейшая коммутация ясака заставили сановный Петербург предпринять новые усилия для «приведения ясачного сбора в соответствие с нуждами и потребностями императорского Кабинета» [9. Л. 66]. Ясачные поступления натурой традиционно оказывали положительное влияние на финансовый баланс Кабинета. Продажа пушнины с торгов и аукционов приносила Кабинету по 300% прибыли [10. Л. 65–67]. Сами члены императорской фамилии постоянно испытывали потребность в дорогостоящих мехах. Между тем нехватка последних доходила до того, что «Кабинет был вынужден покупать у здешних (петербургских. – Л.Д., И.Д.) торговцев меха, требующиеся для особ высочайшей фамилии» [11. Л. 18]. Именно поэтому в марте 1859 г. последовал именной указ о назначении в Восточную Сибирь – основной центр сбора ясака – доверенного от Кабинета чиновника для наблюдения за «правильным» сбором ясака [12]. Выбор управляющего Кабинетом П.К. Мейендорфа пал на медицинского советника Архангельского порта статского советника Полонского. С последнего была взята расписка в том, что он не принадлежит ни к каким «масонским или тайным обществам, внутри империи или вне ее существовать могущим, и впредь принадлежать к оным не будет» [9. Л. 272]. В Иркутск Полонский прибыл 6 сентября 1859 г. Письма и особенно рапорты Полонского дают яркую характеристику ясачной политики XVIII – первой половины XIX в. В итоге вновь назначенный чиновник приходит к неутешительному выводу, что правительство действовало не в том духе, когда нужно было принимать решительные меры.

Формирование ясачной политики в пореформенный период находилось в неразрывной связи с аграрными и финансовыми мероприятиями Казны и Кабинета, выступавшими как совладельцы сибирских земель. Эта особенность ярко проявилась в механизме финансовых отношений императорского Кабинета и народов Сибири как плательщиков ясака, свидетельствующем о существовании у коронного ведомства своих финансовых интересов, не всегда совпадающих с общегосударственными. На основе закона 19 января

1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и земельною податью» [13] по мере проведения землеустройства и перечисления кочевых аборигенов в разряд оседлых инородцев ясак «выкупался» Государственным казначейством у Кабинета. Ежегодный размер таких «выкупов» составлял свыше 125 тыс. руб. [14. Л. 2 об.]. Но поскольку размер вновь вводимой оброчной подати был выше ясачного оклада, то возникающие излишки становились доходами Государственного казначейства. Введение системы выкупа ясака было выгодно Кабинету, так как освобождало его от выколачивания недоимок, составляющих четвертую часть оклада инородцев. О существовании собственных финансовых интересов Казны и Кабинета свидетельствует и практика взаиморасчетов, проводимая между ними по «ясачному делу» с 1827 по 1917 г. в связи с перечислением части кочевых и бродячих «инородцев» в разряд оседлых. Это противоречие было понятно и царским сановникам, которые добивались юридического закрепления земель, населенных ясачными, за императорским Кабинетом. Министр императорского двора П.М. Волконский еще в 1844 г. предлагал «предоставить управлению Кабинета заведовать землями ясачными на праве удельных и владельческих имений». Сенатор И.Н. Толстой в письме к вышеозначенному министру во время ревизии Сибири также указывал, что «польза инородцев, составляющих значительную часть населения... Сибири, польза государства требует подчинения их одной власти, действующей на месте под непосредственной зависимостью Кабинета его величества» [11. Л. 166].

Эти предложения не получили законодательного оформления на практике. Взвесив возможные последствия их реализации, правительство предпочло сомнительной перспективе увеличения ясака и значительных денежных затрат простую эксплуатацию служащих государственных ведомств. В то же время само существование таких проектов свидетельствует о стремлении Кабинета полностью подчинить народы Сибири своему влиянию и об укоренившейся в практике привычке чиновников министерства императорского двора подчеркивать особенность коронного хозяйства, его

отличие от государственного. Это указывает на противоположность финансовых интересов Казны и Кабинета, их противоборство в вопросах получения ренты с кочевников.

Указ 19 января 1898 г. не означал отмену ясака как такового. Бродячие инородцы, а также кочевые, перечисленные в оседлые, но не получившие землеустройства, продолжали платить ясак до 1917 г. Общий размер ясачной ренты Кабинета с народов Сибири определялся положением 3 марта 1835 г. и составлял 222 258 руб. серебром. К 1917 г. доходы Кабинета от эксплуатации сибирских земель, куда входил и ясак, составляли четвертую часть совокупных доходов коронного ведомства. На долю ясака и оброчной подати с «инородцев» приходилось 2,2%. Ясачная рента сохраняла определенное самостоятельное значение. Для ясачной ренты конца XIX в. характерным является процесс ее дальнейшей коммутации, что заставило Кабинет в 1910 г. перевести ясак на денежную основу.

В Сибири совместным собственником земли выступали Казна и Кабинет. Последний как совладелец земли взимал в свою пользу ясак. Однако и Казна была совладельцем земель, она взимала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчной податью. Кроме того, крестьяне и «инородцы» выступали и как арендаторы кабинетских земель, ибо выплачивали государственные повинности. В России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «инородцы» Сибири, кочевые «инородцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взимания сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин империи, например с кибиточной податью, взыскиваемой с народов Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин романовской империи испытывало на себе архаичные способы эксплуатации.

Список источников

1. Дамешек Л.М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2015. Т. 11. С. 51–57.
2. Бущинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков : Тип. Губернского правления, 1889. 354 с.
3. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 49–85.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗРИ-1). СПб. : в тип. II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXI: 1781–1783. От № 15106 до № 15901. С. 720. № 15564.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗРИ-2). СПб. : Печ. в тип. II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. II: 1827. От № 80 до № 1656. С. 1061–1069. № 1611.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043.
7. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042.
8. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276.
9. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911.
10. РГИА. Ф. 496. Оп. 9. Д. 911.
11. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897.
12. ПСЗРИ-2. СПб. : в тип. II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1861. Т. XXXIV, отд. 1: 1859. От № 34005 до № 34845. С. 207–208. № 34250.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗРИ-3). СПб., 1901. Т. XVIII, отд. 1: 1898. № 14861–16309 и Дополнение. С. 40–43. № 14908.
14. РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325.

References

1. Dameshek, L.M. (2015) Nalogi i povinnosti narodov Sibiri v poreformenny period [Taxes and duties of the Siberian peoples in the post-reform period]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 11. pp. 51–57.
2. Butskiy, P.N. (1889) *Zaselenie Sibiri i byt ee pervykh nasel'nikov* [The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Kharkov: Tip. Gubernskogo pravleniya.
3. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Scholarly Works]. Vol. 3(2). Moscow: [s.n.], pp. 49–85.
4. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZRI-1. Vol. 21. From № 15106 to № 15901. p. 720. № 15564. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
5. Russia. (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZRI-2. Vol. 2. From № 80 to № 1656. pp. 1061–1069. № 1611. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). Fund 468. List 9. File 1043.
7. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 1042.
8. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1264. List 1. File 276.
9. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 911.
10. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 496. List 9. File 911.
11. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 897.
12. Russia. (1861) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZRI-2. Vol. 34. From № 34005 to № 34845. № 34250. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 207–208.
13. Russia. (1901) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZRI-3. Vol. 18(1). № 14908. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 40–43.
14. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 44. File 1325.

Сведения об авторах:

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: levdameshkek@gmail.com

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: dameshkek@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dameshek Lev M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia of the Historical Faculty of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: levdameshkek@gmail.com

Dameshek Irina L. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Methods of the Historical Faculty of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: dameshkek@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 18.01.2022; accepted for publication 05.07.2022